

PUSAN
NATIONAL
UNIVERSITY

부산대학교

Sweet Sar

Психопат теперь умеет любить

«Автор»

2026

Sar S.

Психопат теперь умеет любить / S. Sar — «Автор», 2026

За его улыбкой скрывается нечто, чего никто не замечает. Нечто жестокое, терпеливое и опасно любопытное. Их случайная встреча в университетской столовой становится началом игры, правил которой Минхи не знает. Ливаль не пытается изменить её. Он делает нечто гораздо более опасное: заставляет её задуматься, была ли она вообще такой, какой старалась казаться. Шаг за шагом он приближается к её тайнам, испытывает границы дозволенного и пробуждает мысли, которые она годами пыталась заглушить. Между ними возникает странное притяжение, в котором интерес неотделим от подозрения, а близость — от опасности. Пока Пусан ищет убийцу, Минхи всё глубже погружается в игру, из которой может не захотеть выходить. Но что страшнее: встретить чудовище — или обнаружить, что рядом с ним ты наконец перестаёшь чувствовать себя чудовищем?

© Sar S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пустота тоже умеет смотреть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Sweet Sar

Психопат теперь умеет любить

Пустота тоже умеет смотреть

Мне всегда было интересно, что именно чувствуют люди.

Не в том смысле, в каком об этом спрашивают дети, впервые узнавшие, что у каждого человека есть собственный внутренний мир. Меня интересовало другое: каково это — испытывать нечто настолько сильное, что на несколько секунд забываешь обо всём остальном? Каково это — смеяться до слёз, злиться так, что дрожат руки, или скучать по человеку, который ушёл всего десять минут назад?

Я наблюдала за людьми и пыталась понять, что происходит у них внутри. Иногда мне казалось, что я близка к разгадке. В другие моменты я понимала, что лишь собираю чужие реакции, словно детали сложного механизма, не имея ни малейшего представления о том, как он работает.

Впрочем, возможно, я просто слишком много об этом думала.

Моя жизнь не была несчастной. У меня имелись родители, университет, крыша над головой и человек, которого я могла назвать подругой. Я не голодала, не страдала от одиночества в привычном понимании этого слова и не испытывала потребности жаловаться на судьбу.

Всё было в порядке.

Именно это меня и раздражало.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Я просыпалась, умывалась, одевалась, шла на занятия, возвращалась домой. Разговаривала, когда требовалось, улыбалась, когда того ожидали, и отвечала на вопросы с той степенью заинтересованности, которая считалась уместной. Я знала, когда нужно выразить сочувствие, когда засмеяться и когда промолчать.

Я умела быть приятным человеком.

Только вот за всеми этими действиями не скрывалось ничего особенного. По крайней мере, ничего, что я могла бы назвать чувством.

Иногда мне хотелось разбить чашку об стену — не потому, что я злилась, а потому, что мне было любопытно, изменится ли хоть что-нибудь внутри меня от резкого звука и разлетевшихся осколков. Я, разумеется, этого не делала. У меня были принципы, и одним из них было не причинять вреда без причины.

Но порой я подозревала, что единственная причина, по которой я их соблюдаю, заключается в том, что мне хотелось считать себя хорошим человеком.

Не уверена, что этого достаточно.

— Минхи!

Я моргнула.

— Ты вообще меня слушаешь?

Сон Хэрин смотрела на меня с таким искренним возмущением, словно я только что предала её в чём-то по-настоящему важном. Её губы были чуть надуты, а брови сошлись на переносице. Через секунду она откинулась на спинку стула и театрально вздохнула.

— Я уже три минуты рассказываю тебе о том, как вчера чуть не умерла от стыда, а ты смотришь на меня так, будто я читаю инструкцию к микроволновке.

— Я слушаю.

— Тогда что я сказала?

— Что чуть не умерла от стыда.

— Это я сказала в самом начале!

— Значит, я запомнила самое важное.

Хэрин уставилась на меня, пытаясь решить, стоит ли обижаться. Её лицо менялось с удивительной быстротой: возмущение сменилось подозрением, подозрение — попыткой сохранить серьёзность, а затем она всё-таки рассмеялась.

И вот это было одним из тех явлений, которые я никогда не уставала изучать.

Хэрин могла рассмеяться так, словно в мире не существовало ничего плохого. Она смеялась всем телом, запрокидывая голову и прикрывая рот ладонью, хотя я не раз говорила ей, что это необязательно. Её настроение легко передавалось окружающим. Стоило ей появиться в компании, и разговоры становились оживлённее, люди улыбались чаще, а даже самые скучные истории приобретали какое-то особое очарование.

Она была открытой, эмоциональной и до невозможности живой.

Иногда я ей завидовала.

Не её внешности, не оценкам и даже не тому, что она могла завести разговор с незнакомцем, пока мы стояли в очереди за кофе. Я завидовала тому, как естественно она существовала в собственном теле, как свободно выражала то, что чувствовала, и как редко сомневалась в подлинности своих реакций.

Хэрин не приходилось анализировать, почему ей весело. Она просто радовалась.

Мне же порой требовалось несколько минут, чтобы понять, какой ответ от меня ожидают.

— Ты невозможная, — заключила она, всё ещё улыбаясь.

— Мне часто об этом говорят.

— И ты даже не собираешься исправляться?

— А нужно?

— Господи, Минхи.

Она снова рассмеялась.

Я отвела взгляд к окну, чтобы она не заметила, как долго я за ней наблюдаю.

Хэрин была мне дорога. Это я знала точно — настолько, насколько вообще могла быть уверена в собственных чувствах. Мне нравилось проводить с ней время. Нравилось слушать её бесконечные истории, наблюдать за тем, как она сердится из-за пустяков, как радуется хорошим оценкам и как переживает из-за людей, которые, на мой взгляд, не заслуживали и половины её внимания.

Рядом с ней мир становился чуть менее однообразным.

Возможно, именно поэтому я старалась беречь нашу дружбу.

И, возможно, именно поэтому никогда не говорила ей о своей зависти.

— Так, внимание, — раздался голос преподавателя.

Хэрин тут же выпрямилась, достала ручку и раскрыла тетрадь. Ещё секунду назад она была готова спорить со мной до конца занятия, но теперь на её лице появилось выражение прилежной студентки, которая с самого начала внимательно слушала лекцию.

Я посмотрела на неё.

Она поймала мой взгляд и незаметно показала мне язык.

Я едва заметно улыбнулась.

Занятия по журналистике проходили в одном из учебных корпусов Университета Тонмён. За окнами тянулось серое утро, и влажный морской воздух, казалось, проникал даже сквозь закрытые стеклопакеты. Пусан в это время года редко казался мне по-настоящему уютным: ветер приносил с побережья сырость, небо часто затягивало облаками, а улицы после дождя блестели под светом вывесок.

Впрочем, я не испытывала к городу неприязни. Пусан был достаточно большим, чтобы каждый день находить что-то новое, и достаточно привычным, чтобы не требовать от меня особых усилий.

Преподаватель продолжал лекцию о работе журналиста, о достоверности источников и ответственности перед аудиторией. Я делала записи, почти не глядя на доску. Такие занятия обычно не вызывали у меня особого интереса, однако журналистика нравилась мне своей возможностью наблюдать за людьми, задавать вопросы и находить противоречия в чужих словах.

Люди часто лгали.

Иногда намеренно. Иногда потому, что сами верили в собственную ложь.

Мне хотелось понять, как отличить одно от другого.

— Прежде чем мы продолжим, я должен обратить ваше внимание на одну вещь.

Преподаватель отложил маркер и обвёл взглядом аудиторию. В его голосе появились непривычные серьёзные нотки. Несколько студентов перестали печатать на ноутбуках.

— Думаю, многие из вас уже слышали о недавних нападениях на молодых женщин в городе.

По аудитории прокатился тихий шёпот.

Хэрин повернулась ко мне. Её улыбка исчезла.

— Полиция расследует несколько случаев убийства, — продолжил преподаватель. — Подробности пока не разглашаются, однако обстоятельства преступлений вызывают серьёзную обеспокоенность. Поэтому я настоятельно рекомендую вам не возвращаться домой в одиночку в позднее время, избегать плохо освещённых улиц и сообщать близким, если задерживаетесь.

Кто-то на заднем ряду негромко выругался.

— Говорят, у всех жертв перерезано горло, — прошептала девушка неподалёку.

— Тише, — одёрнул её сосед.

Я подняла глаза.

Преподаватель не стал подтверждать или опровергать услышанное. Он лишь попросил студентов не распространять непроверенную информацию и напомнил, что слухи способны навредить как расследованию, так и семьям погибших.

Затем он вернулся к лекции.

Но аудитория уже не слушала его с прежним вниманием.

Люди переглядывались, кто-то набирал сообщения в телефоне, кто-то шептался, прикрывая рот ладонью. Страх распространялся удивительно быстро. Ему не требовались доказательства — хватало нескольких слов, произнесённых достаточно серьёзным голосом.

Я посмотрела на Хэрин.

Она хмурилась, прикусив нижнюю губу.

— Это ужасно, — прошептала она, когда преподаватель отвернулся к доске. — Представляешь, кто-то просто идёт домой, занимается своими делами, а потом...

Она не договорила.

— Представляю, — ответила я.

— И ты совсем не переживаешь?

Я задумалась над её вопросом.

Я понимала, почему следовало переживать. Понимала, что убийца на свободе, что он может напасть снова и что любой человек, оказавшийся не в том месте не в то время, способен стать следующей жертвой. Я могла перечислить все причины, по которым происходящее было страшным.

Но сами слова не вызывали во мне ничего похожего на тот ужас, который я видела на лицах однокурсников.

— Я буду осторожна, — сказала я.

Хэрин посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала. Вместо этого она коснулась моей руки.

— Пообещай, что не станешь поздно ходить одна. Хорошо?

Я кивнула.

И на этот раз мне не пришлось изображать согласие.

Я действительно не хотела, чтобы с ней что-нибудь случилось.

К обеду университетский корпус наполнился привычным шумом.

В столовой звенели подносы, скрипели ножки стульев, студенты перекрикивали друг друга, стараясь занять свободные места. Из открытых дверей кухни доносился запах риса, жареного мяса и острого бульона. После утреннего разговора о преступлениях жизнь, казалось, намеренно возвращалась в привычное русло.

Люди снова смеялись.

Хэрин говорила без остановки.

Она рассказывала о задании, которое собиралась сдать на следующей неделе, жаловалась на слишком требовательного преподавателя и одновременно строила планы на выходные. Я слушала её вполуха, время от времени отвечая на вопросы, и несла поднос к свободному столу.

Именно тогда я впервые увидела Ким Ливаля.

Он стоял у окна в компании нескольких студентов. Высокий, с пепельно-серыми волосами, которые небрежно падали на лоб, и маленьким металлическим украшением на нижней губе. На нём была обычная университетская одежда, ничем не примечательная, если не считать того, насколько естественно он в ней выглядел.

Он улыбался.

Не той вежливой улыбкой, которую люди надевают, когда хотят произвести хорошее впечатление. Его лицо казалось открытым, взгляд — внимательным, а жесты были настолько непринуждёнными, что окружающие сами тянулись к нему.

Девушка рядом с ним что-то рассказывала, оживлённо размахивая руками. Ливаль слушал, чуть склонив голову, а затем рассмеялся. Другой студент хлопнул его по плечу, и тот ответил дружеским толчком. Когда к их компании подошёл парень с двумя стаканами кофе, Ливаль поблагодарил его так тепло, словно тот оказал ему огромную услугу.

Он был окружён людьми, но не выглядел человеком, которому требовалось их внимание.

Скорее, внимание само находило его.

— Это Ким Ливаль, — заметила Хэрин, проследив за моим взглядом. — Третьекурсник. Кажется, он учится на факультете психологии... Хотя нет, погоди, я могу путать. Но я точно видела его на университетском фестивале. Он там со всеми общался.

— Ты его знаешь?

— Лично? Нет. Но о нём сложно не слышать. Он довольно популярный. И симпатичный, правда?

— Если тебе нравятся такие.

— А тебе какие нравятся?

— Те, которые не задают подобных вопросов.

Хэрин фыркнула.

Я снова посмотрела на Ливаля.

Он помог девушке, у которой соскользнул с подноса стакан, поднял упавшую салфетку, уступил место проходившему мимо студенту. Всё это он делал легко, без малейшей демонстративности. Казалось, доброжелательность была его естественным состоянием.

И всё же что-то в нём мне не нравилось.

Я не могла объяснить причину.

Возможно, дело было в его улыбке. Она появлялась вовремя, исчезала вовремя и каждый раз казалась совершенно уместной. Его взгляд задерживался на собеседнике ровно настолько, чтобы тот почувствовал себя услышанным. Даже интонации словно подстраивались под человека, с которым он говорил.

Всё было правильно.

Слишком правильно.

Я знала, что это не доказательство чего-либо. Люди умели быть обаятельными, не имея скрытых намерений. Некоторые действительно любили общение, были внимательны к окружающим и получали удовольствие от чужой радости.

Но мне казалось, будто я наблюдаю за хорошо поставленным спектаклем, в котором актёр выучил каждую реплику и ни разу не ошибся.

И почему-то это раздражало меня сильнее, чем должно было.

— Минхи, ты идёшь? — окликнула Хэрин.

— Да.

Я двинулась следом за ней, но в какой-то момент Ливаль повернул голову.

Наши взгляды встретились.

Всего на секунду.

Он смотрел на меня так же, как до этого смотрел на остальных: спокойно, доброжелательно, с лёгким любопытством. Ничего необычного. Ничего, что заслуживало бы внимания.

Я отвела глаза первой.

И тут же разозлилась на себя за это.

Не потому, что проиграла какое-то невидимое соревнование. Просто мне не понравилось ощущение, будто он успел заметить во мне нечто, чего я сама ещё не успела понять.

Мы заняли столик, но Хэрин вскоре вспомнила, что забыла взять палочки, и отправилась обратно к стойке. Я осталась одна, наблюдая за движением людей в столовой.

Ливаль всё ещё стоял у окна.

Теперь он разговаривал с другим студентом, и его лицо снова выражало неподдельную заинтересованность. Он слегка улыбался, время от времени кивая, а когда собеседник закончил, легко коснулся его плеча.

Мне захотелось узнать, каким он был, когда никто на него не смотрел.

Эта мысль возникла неожиданно.

Я попыталась отмахнуться от неё, но она уже успела зацепиться за что-то внутри меня.

Каким он был, когда ему не требовалось улыбаться?

Когда никто не ждал от него доброты?

Когда рядом не было людей, перед которыми стоило производить впечатление?

Я не знала.

И впервые за долгое время мне захотелось узнать ответ не потому, что это могло пригодиться, а просто потому, что незнание стало меня раздражать.

Хэрин вернулась с палочками и принялась рассказывать о каком-то сообщении в университетском чате. Я слушала, но мои мысли снова и снова возвращались к человеку у окна.

В какой-то момент я поняла, что хочу привлечь его внимание.

Не понравиться ему. Не познакомиться. Даже не убедиться в своей правоте.

Я хотела увидеть, что произойдёт, если нарушить безупречный порядок его маленького спектакля.

Хотела узнать, останется ли его лицо таким же доброжелательным, если кто-нибудь заставит его забыть о собственной роли.

Это было глупо.

Бессмысленно.

И именно поэтому идея показалась мне привлекательной.

Я поднялась, взяла поднос и направилась к стойке, чтобы отнести посуду. На краю тарелки ещё оставался суп — тёплый, красноватый от острой пасты. Я могла просто оставить поднос на тележке и вернуться к Хэрин.

Вместо этого я выбрала проход, по которому шёл Ливаль.

Он как раз попрощался с кем-то и направился в противоположную сторону. Мы должны были разминуться у поворота между столами.

Я могла уступить ему дорогу.

Могла остановиться.

Могла сделать десятки совершенно обычных вещей.

Но не сделала ничего.

Наши плечи почти соприкоснулись. Я чуть повернула поднос — движение было небольшим, почти незаметным, — и остатки супа выплеснулись прямо на его рубашку.

На несколько секунд мир вокруг нас словно притих.

Ливаль резко отпрянул.

Его улыбка исчезла так быстро, что я едва успела это заметить. Он посмотрел на тёмное пятно на ткани, затем поднял глаза на меня.

И вот тогда я увидела его настоящую реакцию.

Раздражение.

Не вежливое недовольство, не притворную растерянность, которую можно было бы тут же превратить в шутку. Его взгляд стал жёстким, челюсть напряглась, а пальцы сжались на краю подноса, который я всё ещё держала.

В его лице на мгновение появилось что-то настолько холодное, что мне захотелось улыbnуться.

Вот оно.

Наконец-то.

Я не знала, чего именно ожидала. Возможно, резкого замечания. Возможно, вспышки гнева, которая заставила бы окружающих увидеть в нём совсем другого человека.

Но Ливаль не сказал ни слова.

Он продолжал смотреть на меня.

Я смотрела в ответ.

И в коротком молчании между нами было больше искренности, чем во всех его улыбках, которые я наблюдала до этого.

Затем он моргнул.

Напряжение в его лице исчезло.

Будто кто-то щёлкнул выключателем.

— Ох, — произнёс он и рассмеялся. — Ничего страшного.

Его голос снова стал мягким, почти ласковым. Он посмотрел на испачканную рубашку, словно только теперь осознал, что произошло, а потом перевёл взгляд на меня.

— Ты не обожглась?

Я не сразу поняла вопрос.

— Что?

— Суп же горячий. — Он улыбнулся. — Ты в порядке?

Я молчала.

Ливаль взял со стола салфетку и промокнул ткань. Несколько студентов, успевших заметить происшествие, уже наблюдали за нами. Кто-то тихо засмеялся, кто-то покачал головой, ожидая, что сейчас начнётся перепалка.

Но Ливаль не сердился.

По крайней мере, теперь он выглядел так, будто совершенно не сердился.

— Прости, — сказала я.

Слово прозвучало автоматически. Я знала, что его следует произнести в подобной ситуации.

— Всё нормально.

Он протянул руку и легко коснулся моей головы, словно я была ребёнком, случайно разбившим чашку.

Пальцы скользнули по моим волосам.

Я замерла.

Это был жест, который мог показаться дружелюбным, даже милым. Наверное, именно таким он и должен был выглядеть со стороны.

Но мне не понравилось, что он прикоснулся ко мне без разрешения.

Ещё меньше мне понравилось, что он сделал это так уверенно, будто уже решил, какую реакцию получит в ответ.

— Бывает, — добавил он с улыбкой. — Не переживай.

Я подняла на него глаза.

Он был выше меня, и теперь, когда между нами почти не осталось расстояния, я могла разглядеть мелкие детали его лица: тонкую металлическую дугу пирсинга на нижней губе, тени под глазами, несколько прядей пепельных волос, упавших на лоб.

И его взгляд.

Он всё ещё улыбался.

Но теперь я не могла отделаться от ощущения, что за этой улыбкой скрывается нечто совершенно иное.

— Ты всегда такой добрый? — спросила я.

Вопрос вырвался прежде, чем я успела его обдумать.

Ливаль чуть склонил голову.

— А я должен быть другим?

— Не знаю. Ты ведь меня даже не знаешь.

— Разве для того, чтобы быть добрым, нужно кого-то знать?

Я не ответила.

Он произнёс это легко, без вызова, и на его лице не появилось ни тени раздражения. Любой другой, вероятно, принял бы его слова за проявление искренней доброжелательности.

Но я смотрела на него и думала о том мгновении, когда его улыбка исчезла.

О том, как изменились его глаза.

О том, насколько быстро он сумел вернуть себе прежнее выражение лица.

— Наверное, нет, — сказала я.

— Вот видишь.

Он снова улыбнулся, и на этот раз я заметила, как несколько студенток неподалёку переглянулись с улыбками. Для них эта сцена, должно быть, выглядела почти очаровательно: неловкая девушка, случайно испачкавшая рубашку популярного старшекурсника, и сам старшекурсник, который вместо того, чтобы устроить скандал, успокаивает её.

Хорошая история для университетского чата.

— Кстати, я Ким Ливаль, — сказал он.

— Я знаю.

Его брови едва заметно приподнялись.

— Правда?

Я поняла, что ответила слишком быстро.

— Слышала о тебе.

— Надеюсь, ничего плохого.

— Пока не решила.

На этот раз его улыбка стала чуть шире.

Он не выглядел оскорблённым. Скорее, мои слова его позабавили.

— Тогда буду надеяться, что у меня ещё есть шанс произвести хорошее впечатление.

Я могла бы ответить что-нибудь вежливое. Могла улыбнуться, извиниться ещё раз и уйти, оставив этот случай в числе бессмысленных поступков, о которых предпочитают не вспоминать.

Но я продолжала смотреть на него.

И он смотрел на меня.

Вокруг нас шумела столовая, звенела посуда, кто-то звал друзей, кто-то смеялся над шуткой за соседним столом. Мир не остановился. Ничего особенного не произошло.

И всё же мне казалось, что между нами возникло нечто, чему я пока не могла подобрать название.

Ливаль первым нарушил молчание.

— Увидимся, — произнёс он.

Он сказал это так, словно мы уже договорились о следующей встрече.

Затем развернулся и ушёл, на ходу отвечая на чей-то оклик. Через несколько секунд его снова окружили люди. Кто-то спросил, что случилось с рубашкой, и Ливаль рассмеялся, отмахнувшись от вопроса.

Вскоре он снова стал тем, кем был до нашей встречи.

Доброжелательным. Открытым. Приятным.

Безупречным.

Я осталась стоять с пустым подносом в руках.

— Минхи!

Хэрин появилась рядом и схватила меня за локоть.

— Ты видела, что произошло? Ты облила Ким Ливаля супом!

— Да. Я была здесь.

— И почему ты такая спокойная? Я бы умерла от стыда! А он... Ты видела, как он с тобой разговаривал? Даже не разозлился! Боже, он ещё и погладил тебя по голове!

Она выглядела так, словно только что стала свидетельницей сцены из романтической драмы.

— Он странный, — сказала я.

Хэрин замерла.

— Странный? Минхи, он просто хороший человек.

Я посмотрела в сторону, куда он ушёл.

Хороший человек.

Возможно.

Но я всё ещё помнила его лицо в ту короткую секунду, когда он посмотрел на меня с нескрываемой злостью. Помнила, как быстро исчезла его улыбка и как мгновенно вернулась на место, стоило ему заметить чужие взгляды.

Я не знала, что именно увидела.

И не могла утверждать, что вообще увидела что-то настоящее.

Но впервые за долгое время мне хотелось вернуться к одному и тому же мгновению снова и снова, разложить его на мельчайшие детали и понять, что осталось за пределами чужого взгляда.

Внутри меня по-прежнему было пусто.

Только теперь в этой пустоте появилось нечто новое.

Интерес.

И почему-то мне казалось, что Ким Ливаль почувствовал то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.